

Можно сказать, что Хоффман поддерживал его только из-за его слабости и глупости, которые делали его легко управляемым. Нарцисс I был для него всего лишь красивой марионеткой, с помощью которой он мог управлять страной, играя в политические игры с дворянами. Он был лишь символом короля, просто печатью на документах.

Он легко мог представить, как молодого короля вытащили из постели с женщиной, и, несмотря на его сопротивление, заперли в тюрьму. Он, вероятно, был в панике и отчаянии, возможно, увидев их — он имел в виду в первую очередь королеву, которую король ненавидел, но вынужден был зависеть от нее, и, возможно, ее кокетливую служанку, — бедный король мог заплакать, уткнувшись в грудь «мамы»? Возможно, он злился бы на себя, а затем умолял бы спасти его, а после того, как его спасли, он мог бы в ярости кричать, чтобы всех бунтовщиков отправили на гильотину?

Да, слезы, мольбы, ярость — он представлял себе все возможные сценарии. Но, к его удивлению, этот молодой король адаптировался неожиданно быстро и хорошо. Он находился в холодной, мрачной камере, и неизвестно, когда его выпустят, но его спокойное и уверенное поведение было таким, будто он сидел в своем тронном зале и пил вино. Он слушал его слова с естественной легкостью, а не так, как он ожидал — с облегчением, восторгом или гневом. Этот Нарцисс заставил его впервые вспомнить, что перед ним король. Да, он вел себя как король больше, чем когда-либо.

Это было внезапное озарение или же он всегда скрывал свои истинные способности?

Хоффман не был уверен в этом. Это снова заставило его задуматься о будущем: была ли эта перемена в короле больше на пользу или во вред? Конечно, сейчас ему не нужно было прилагать усилия, чтобы объяснять свои действия, причины, ход и результаты происходящего, что, безусловно, облегчало задачу. Но он мог предвидеть, что он потерял марионетку, которой мог манипулировать по своему усмотрению.

Он пристально смотрел на прекрасного юношу перед ним.

Хань Сю, словно почувствовав этот взгляд, улыбнулся и спросил:

— Что-то еще?

— ...Ах, да, конечно. Могу ли я спросить у Вашего Величества, как вы смотрите на это дело? О восстании третьего сословия.

— На самом деле, хотя я и раздражен тем, что меня заперли в тюрьму, я могу это понять, — Хань Сю развел руками. — Они восстали не против меня, как вы видите, поводом стала расточительность королевы, а коренная причина, как вы, очевидно, знаете, заключается в том, что их сила растет, но они не получают соответствующего политического статуса и социальных прав. Я не позволю никому оспаривать мой королевский авторитет, — так же, как вы будете до последнего защищать свою Церковь, но я не против предоставить купцам подходящие права.

Он задумался, затем добавил:

— Страна нуждается в них.

Хоффман помолчал:

— Я понял. Я постараюсь как можно скорее вас выпустить.

— Нет, Хоф, — Хань Сю спокойно убрал остатки еды в коробку и улыбнулся. — Вместо того чтобы быть марионеткой на троне, я предпочитаю указывать путь из тюрьмы.

В этот день город Сент-Бетти в Норе стал центром внимания всего континента.

Этот переворот произошел внезапно, неожиданно. Никто не думал, что он может увенчаться успехом, его особенность, возможно, заключалась только в том, что он произошел в столице государства. Однако он разразился словно ураган, произошел, достиг кульминации...

И затем, что стало самым удивительным, в Сент-Бетти, городе, который когда-то называли самым неприступным в мире, «бунтовщики» так легко бросили короля в тюрьму.

Чжоу Тяньтянь сидела на мягком диване, обтянутом тканью с изысканной вышивкой, перед которым лежал роскошный персидский ковер. Она была укрыта теплым шерстяным пледом и пристально смотрела на камин, словно изучая форму пламени.

Она вдруг, словно про себя, пробормотала:

— Все еще холодно.

Слуга рядом сразу же добавил дров в камин, хотя в комнате уже было очень жарко. Стоявший прямо слуга уже покрылся потом.

Но Чжоу Тяньтянь совсем не чувствовала этой жары. Она была бледна, губы ее побелели, на лбу выступил пот — холодный пот, а руки, лежащие на пледе, нервно дрожали.

Да, ее холод исходил не от ночной прохлады, а от внутреннего беспокойства.

С одной стороны, с утра до вечера, хотя все поступавшие сообщения свидетельствовали о том, что все идет так, как она задумала, она все равно инстинктивно боялась, что что-то пойдет не так. Она любила Оскара, с самого начала восхищаясь великим человеком из истории, а теперь — героем, поэтому она не могла не волноваться за него, сражающегося там.

Она знала, что если они выиграют, Оскар откроет для себя широкую дорогу, а если проиграют... Нет, они не проиграют.

С другой стороны, на нее давило осознание того, что она участвует в событии, которое может изменить судьбу страны, нации и даже всего человечества.

Она невольно опустила голову, глядя на свои руки. За последние пять лет она сделала так много: водяные прядки, паровые двигатели, ватные машины, уголь, паровозы, банковская система, акционерные компании...

Незаметно для себя она изменила жизни многих людей, но никогда прежде не чувствовала так остро, что она участвует в формировании истории, своими руками направляя ее в другое русло.

Честно говоря, чувство изменения истории было для нее слишком тяжелым. Она не чувствовала того воодушевления и амбиций, о которых писали в романах, она лишь ощущала давление со всего мира, которое было для нее непосильным, утомительным.

Чем ближе был этот день, тем сильнее становилось это чувство. Сегодня она проводила Оскара из дома, затем села на этот диван и наблюдала, как за окном меняется свет, как люди спешат мимо: дворяне, рыцари, солдаты, прохожие, бунтовщики...

Один за другим они проходили мимо ее окна, которое она специально сделала герметичным, и теперь оно отделяло ее от внешнего мира. Столкнувшись с этим событием лицом к лицу, она оказалась по ту сторону мира, беспомощно наблюдая со стороны.

«Чжоу Тяньтянь, посмотри, что ты натворила...» — она невольно простонала, дрожа, свернулась на диване, пока слуга, решив, что ей холодно, не укрыл ее пледом, и она попыталась выглядеть менее испуганной.

Раздался щелчок — дверь открылась.

Чжоу Тяньтянь вздрогнула и быстро посмотрела на вход.

На пороге появился высокий, статный мужчина с золотистыми волосами. Он снял пальто и передал его слуге, слегка нахмурившись:

— Почему здесь так жарко? Дорогая, тебе холодно?

Он подошел к Чжоу Тяньтянь, с беспокойством глядя на нее:

— Ты выглядишь неважно, что случилось, ты простудилась?

Он дотронулся до ее лба, на котором была тонкая пленка пота, но он не был горячим.

Чжоу Тяньтянь позволила ему снять с себя плед, велела слуге уменьшить огонь в камине, взяла полотенце, которое подал слуга, и вытерла лицо. Ее взгляд, полный растерянности и страха, медленно изменился, и она замерла, глядя на этого мужчину, который давал ей чувство безопасности.

— Оскар...

Ее голос был тихим, словно растворяющимся в воздухе.

Оскар кивнул.

— Ты... ты как?

<http://bllate.org/book/17715/1655474>